

День третий. Освобождение. В кромешной тьме Фу Гэ ощущал, как падает в пустоту.

Он распахнул глаза. И увидел пламя пожирающее палату 404 в больнице Шэндэ.

Языки огня рвались наружу из окон, в небо взметались клубы густого, удушающего дыма. Жара обжигала лицо, слезы застилали глаза, но он всё равно продолжал идти вперёд.

Перед стеной огня стоял Ци Хань. Исхудавший, почти призрачный в этой обгоревшей тюремной робе, с кровавыми слезами, стекающими по запавшим щекам.

Фу Гэ подошёл ближе. Ци Хань не шелохнулся. Кисти и щиколотки опутаны тяжёлыми цепями, железо въелось в кожу, не позволяя даже поднять руку.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он заговорил.

— ... Гэ.

Фу Гэ ответил хрипло:

— Я здесь.

Ци Хань посмотрел на огонь, голос его дрожал:

— Они сжигают мои вещи...

— Это я приказал сжечь их.

Ци Хань не стал проклинать его. Только тихо, срываясь в мольбу, прошептал:

— Пусть не сжигают, ладно? Это всё, что у меня осталось... В гробе не будет ни одной вещи, меня похоронят, как бродячего призрака.

Фу Гэ сжал кулаки, ногти впились в ладони, боль молнией пронзила сердце.

— Но ведь это ложь, ты сам знаешь... — он говорил быстро, захлёбываясь в собственных словах.

— Я давно... я уже...

— Уже не любишь меня? — Ци Хань улыбнулся уголком губ, но в глазах не было ни капли смеха.

Фу Гэ не нашёл, что ответить.

— Даже если это ложь... это всё равно ничего не значит? — голос стал еле слышным.

Он медленно повернулся, и Фу Гэ на секунду подумал, что сейчас тот упадёт - таким хрупким казалось это истощённое тело, такой ветхой, неживой эта сгорбленная фигура. Из его пустых, бездонных глаз струилась кровь.

— Я знаю, что всё было ложью... — он говорил так тихо, будто произносил молитву. — Ты не хочешь жениться - не надо. Не будет свадьбы. Не будет ничего... Но оставь мне хотя бы эти обманки. Пусть они будут... Разве даже этого нельзя?..

Фу Гэ смотрел, беспомощно размыкая губы.

— Но я... уже... я сжёл их. Всё сгорело. Ничего не осталось... Я не могу вернуть их тебе...

Ци Хань дрожал. Тянул к нему тонкие, в рубцах и царапинах пальцы.

— Не надо... не позволяй им сжигать... Пусть они останутся... Оставь мне хоть это... прошу...

Фу Гэ попятился. В страхе отвёл взгляд. Закрыв лицо руками, сжимая пальцами виски, будто мог заглушить этот голос, задушить эту боль.

— Я не знал... — прохрипел он. — Не знал, что там твои вещи... Я не успел... Я... я уже сжёл их...

Человек перед ним застыл на пару секунд, затем опустил руку, словно наконец смирившись. Голос его был спокойным, почти утешительным:

— Не плачь. Всё в порядке.

И сразу же, не дав Фу Гэ опомниться, развернулся и бросился в пламя.

— А-Хань!

Фу Гэ закричал, рванулся вперёд, успел схватить только край одежды.

Но в следующее мгновение огонь исчез, рассыпался прахом, и вместо него перед глазами раскинулась сцена свадьбы.

На полу лежал Ци Хань. Весь в крови.

В шею у него была воткнута стальная ручка. Капкан для зубов разорвал кожу на лице. Глаза залеплены засохшей кровью. Левую ногу переломали, и теперь она безжизненно свисала, не слушаясь его тела.

Фу Гэ застыл, дыхание превратилось в судорожные всхлипы. Он смотрел, как мальчишка, которого он когда-то любил до потери сознания, ползёт к нему, полумёртвый, но всё ещё сжимая в пальцах обручальное кольцо.

— Фу Гэ... сегодня наша свадьба... ты обещал...

Он двигался медленно. За его спиной кто-то бил его ногами, тащил обратно.

Фу Гэ пятился. Лицо и рот заливало слезами.

— Не надо... не подходи... Это ложь, понимаешь? Я просто... Я тебя обманул... Разве ты не знал?!

Ци Хань улыбнулся.

— Знаю. — Он говорил так, словно это ничего не значило. — Всё в порядке. Это я виноват.

Он задыхался, но поднял руку, стиснув в окровавленных пальцах маленькое, идеально чистое кольцо.

Фу Гэ смотрел, как он выдавливает из себя болезненную, уродливую улыбку, в которой смешались боль, отчаяние и слабая, еле тлеющая надежда. Из уголка губ тонкой линией стекала кровь.

— Просто надень его, ладно? Это ты его сделал для меня.

Фу Гэ рухнул на землю, закричал, разрывая голос.

Вспышка памяти, словно раскалённый гвоздь, вонзилась в мозг. Вся лестничная клетка перед глазами окрасилась алым, каждый дверной проём раскрылся, словно бездонная пасть, внутри которой умирал очередной Ци Хань.

Стоя на коленях, он протягивал к нему руки.

— Фу Гэ... помоги... У меня аллергия...

— Не сжигай это, прошу... Это всё, что у меня осталось...

— Сегодня же наша свадьба...

— С самого начала... ты просто лгал мне... не так ли?

Воспоминания вгрызались в его мозг, разъедая, стирая границы между прошлым и настоящим.

Фу Гэ закрыл глаза.

Резкий толчок - и в следующую секунду он снова открыл глаза. Перед ним расстилалась крыша зелёного поезда.

Двадцать восьмое февраля. Девять вечера.

Он был в пути, возвращаясь из Литанга. Долгая дорога, ещё более долгий сон.

Фу Гэ медленно сел на узкой койке, обнял колени и уткнулся лбом в холодную стену вагона, молча наблюдая за мелькающим за окном пейзажем.

Он даже не понимал, зачем снова туда поехал. Просто открыл приложение, посмотрел билеты, купил - всё происходило, будто не с ним.

Из кладбища Ци Цзи он вышел прямо в аэропорт, но билетов на самолёт не оказалось, поэтому пришлось сесть на поезд.

Ирония? Месяц назад он и Ци Хань возвращались из медового месяца на этой же линии, в этом же вагоне.

Судьба уже превратила его в ошмётки. Любовь была грязной, ненависть - незавершённой. Он думал, что отомстил, что теперь его не смогут тревожить кошмары.

Но новые кошмары оказались ещё более жестокими.

В Литанге он встретил того самого тибетского парня, который наливал Ци Ханю грецкий самогон. Тот сразу его узнал.

— Как его раны? Зажили?

И в этот момент Фу Гэ всё понял.

Он узнал обо всём, что случилось в ту ночь. О том, как Ци Хань, брошенный им, чуть не умер от анафилактического шока, замерзая в горах. О том, что тот последний звонок, который он оборвал, был не жалкой попыткой разжалобить его, а последним мольбой о спасении. О том, что он всегда носил водолазки, потому что горло у него было разорвано проклятой стальной ручкой.

О том, что пока он с Джомой напивался в баре, Ци Хань, едва держась на ногах, полз вниз по ледяным склонам, вырываясь из смертельной ловушки.

Восемьдесят процентов всех сожалений в жизни рождаются из недопонимания и запоздавшей информации.

Он и Ци Хань это доказали.

Канчжуа рассказал ему, что той ночью, когда Ци Хань молился за него в горах, он накинул себе на плечи белый хада – сказал, что её выиграл для него его парень.

Фу Гэ сразу понял.

Тот хада, который он в итоге бросил в огонь.

— Вы не помните, о чём он просил в молитве?

— Точно не помню... Но кажется, у меня записано.

Канчжуа обшарил все карманы, вытащил сложенный клочок бумаги.

— Вот, это перевод с тибетского. Хотите, обратно на китайский переведу?

— Не надо.

Фу Гэ быстро прикрыл бумагу рукой, словно не хотел видеть.

— Просто отдайте мне. Я немного знаю тибетский.

Он так и не открыл её.

В Литанге он пробыл несколько часов, всё это время блуждая, словно во сне. Он прошёл много, очень много дорог, но так и не осмелился снова подняться в горы.

Только за полчаса до отправления у него наконец хватило сил ступить туда снова.

Память устроена странно – она размывает ненужные детали, но самое болезненное сохраняет с пугающей чёткостью. Он помнил маршрут, по которому в тот день поднимался верхом. Теперь он шёл пешком, глядя только под ноги, в белоснежное безмолвие, пока взгляд не зацепился за крошечный, с ноготь, кирпично-красный след.

С тех пор, как они уехали после медового месяца, в Литанге не было дождя. Морозы только крепили, снег ложился слоями, но не таял.

Поэтому стоило Фу Гэ опустить руку в сугроб и начать разгребать его пальцами, как он без труда нашёл то, что искал.

Замёрзшее пятно крови, ставшее коричнево-багровым настом. Он истекал этой кровью в тот момент, когда вонзил себе в горло стальную ручку.

А позади...

Глубокие, выдранные в мерзлой земле борозды. Его ногти вспарывали лёд, оставляя последний, предсмертный след.

Фу Гэ опустился на колени, глядя в эту замёрзшую рану в снегу. Слёзы капали на холодные кристаллы, сразу впитываясь, исчезая, становясь частью этой проклятой земли.

Он сжал горсть этого застывшего, пронизанного кровью снега, но вместо холода по пальцам прошла боль.

Так сильная, что дышать стало невозможно.

— Ты же знал, что я лгу... — он задыхался, шёпот рвался из пересохшего горла.

— Зачем ты всё равно позвонил?..

На большой высоте анафилактический шок убивает человека за считанные минуты, и последние мгновения перед удушьем – это самые ценные секунды, когда ещё можно спасти жизнь. Ци Хань оставил на земле столько глубоких борозд, столько следов своих ногтей, прорезавших замёрзшую землю, что Фу Гэ не сомневался – он боролся до последнего, из последних сил вытягивал руку к телефону, набирал его номер, цеплялся за последнюю надежду.

Наверное, он думал, что даже если Фу Гэ зол, даже если презирает его, даже если бросил, он всё равно в последний момент обернётся, посмотрит на него, хотя бы один раз, хотя бы

мельком.

Фу Гэ, едва дыша, развернул сложенный листок бумаги, который дал ему Канчжуа. Бледные пальцы осторожно провели по тонким строчкам, выведенным мелким почерком.

Четыре желания.

Он начал читать их вслух, обращаясь к снегу и небу, к этой проклятой земле, которая похоронила всё, что было дорого.

«Первое – пусть он проживёт долгую жизнь без тревог.»

«Второе – пусть он добьётся всего, чего хочет.»

«Третье – пусть у него будет семья, полная любви.»

«Четвёртое... пусть он никогда больше не вернётся ко мне.»

Последние слова унесло ветром. Голос сломался, растаял в холодном воздухе. Фу Гэ вздрогнул, опустился на колени, пальцы глубоко зарылись в снег, сжимая его так, словно он мог выжать из этой земли хоть каплю тепла. Его рука легла ровно на старые следы, оставленные Ци Ханем, те самые кровавые борозды, которые он царапал ногтями в последние секунды жизни.

— А-Хань... как, скажи мне, как я теперь должен быть счастлив?

Десять вечера.

Фу Гэ вышел из поезда. В кармане – горсть земли, смешанного с кровью.

Если бы вещи из 404-й палаты не сожгли, он бы знал, что когда Ци Хань покидал Литанг, он тоже унёс с собой горсть снега. Маленький кусочек прошлого, последнее воспоминание, которое он решил сохранить.

Как только телефон включился, экран взорвался потоком сообщений, но он даже не взглянул на них. Наверху списка, всё ещё закреплённый, стоял контакт «Мистер Медвежонок», но Фу Гэ знал – больше за этим именем никогда не появится красная точка, никогда не будет новых сообщений, никогда не вспыхнет экран от очередного раздражённого «ты где?».

Он поднял руку, хотел было вызвать такси, когда вдруг телефон зазвонил. На том конце провода голос Ци Чуаня дрожал от паники:

— Фу Гэ! Чёрт, тюремный конвой с Ци Ханем перехватили! Он пропал!

Полчаса спустя.

Прибрежное шоссе.

Чёрная «Сантана» неслась по мокрому асфальту, разрезая ночной дождь. В машине сидели четверо – водитель и вооружённый охранник в передних сиденьях, альфа с напряжённым взглядом на заднем. Он был тем самым, кто тогда на аукционе подстроил ловушку, чуть не уничтожил Ци Ханя, охотился на него, как на добычу, и теперь, будто победитель, сидел здесь, держась за пистолет.

А под его ногами, скрючившись, лежал Ци Хань.

На голове – чёрная ткань. Руки в наручниках. Из-за тряски тела его худое, покрытое синяками и порезами тело едва заметно покачивалось, но сам он оставался недвижим.

Он выглядел как живой труп.

— Босс, впереди что-то не так!

— Не носи хуйню, копы у нас за спиной!

Как только он договорил, дорогу залил слепящий белый свет. Водитель ударил по тормозам. Переднее колесо съехало в размытую дождём обочину, машину повело в сторону.

Раздался громкий выстрел. Лобовое стекло взорвалось, осыпая всех осколками.

И в этот же миг из темноты, словно рой голодных хищников, вылетели мотоциклы.

Десятки фар вспыхнули в ночи. Двигатели взревели, почти заглушая ливень. Затворы щёлкнули в унисон.

Выстрелы, шум моторов, всполохи выхлопных газов – всё смешалось в хаосе. Их атаковали с силой, которой они не могли противостоять. Десятикратное преимущество в огневой мощи.

Трое внутри автомобиля уже не могли сопротивляться.

Альфа, который держал Ци Ханя, рывком вытащил его из машины, удерживая за шею, и быстро достал из кармана гранату.

— Не подходи! Ещё шаг - и мы оба отправимся к чертям!

Альфа выкрикнул это, сжимая гранату в пальцах, но в ту же секунду сзади разорвался оглушительный рёв двигателя. Мощный свет фар ударил прямо в его лицо, ослепив на мгновение.

И в тот же миг, словно призрак, из тьмы вынырнул мотоцикл, его водитель - худощавый, но быстрый, метнулся вперёд, за какие-то доли секунды почти вплотную приблизился к нему.

Переднее колесо резко взвилось вверх, и альфа, охнув, дёрнулся назад.

Фу Гэ в этот момент уже выхватывал Ци Ханя, рывком закидывая его на сиденье, тут же разворачивал руль, закладывая мощный вираж, и прямо по его ноге прокатывал заднее колесо.

— А-а-а-а!!!

Разорванный крик резанул по ушам, граната выпала из ослабевших пальцев, покатила по земле, и через мгновение вспышка взорвала всё вокруг.

Огненная волна подбросила «Сантану» в воздух. Мотоцикл вместе с Фу Гэ и Ци Ханем полетел вперёд, разметавшись на несколько метров.

Фу Гэ прокатился по земле, его правая рука вывернулась в неестественном положении - вывих плеча, мгновенно набухшая ссадинами кожа.

Но он даже не почувствовал боли. Он рванулся на ноги, оглядываясь в панике, ища Ци Ханя.

Огонь от пылающей машины выхватил из тьмы его силуэт.

Он стоял на коленях, в тюремной робе, худой, как тень, сгорбленный, осунувшийся настолько, что походил на человека, у которого уже нет жизни.

Но взгляд Фу Гэ зацепился за блеск металла в его руках.

Оружие.

Ци Хань откуда-то достал пистолет. И теперь медленно, размеренно поднимал его... направляя ствол себе в висок.

Фу Гэ застыл. Голос сорвался.

— Что ты делаешь?

Ци Хань вздрогнул, пальцы слегка дрогнули, но он не отвернулся. Огонь отражался в его глазах, мёртвых, бездонных, превращённых в гладкую, холодную тьму.

Его губы чуть дрогнули. Он улыбнулся.

Бледный, как мертвец, с треснувшими пересохшими губами, он медленно прикрыл глаза, голос звучал глухо, будто доносился откуда-то издалека.

— Я видел отца... и ещё... видел тебя, Фу Гэ... — его ресницы дрогнули. — Они сказали, что всё кончено. Что я могу вернуться домой.

<http://bllate.org/book/14453/1278347>